

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Шахбанова

Мадина

Магомедкамиловна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский
федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия,
Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75).
E-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Религиозное возрождение сильнее затронуло канонические территории распространения исламского вероучения, причем для этого имелись объективные факторы. Рост значимости религиозного фактора, в данном контексте, исламского в социальной жизни общества, стремление духовных лиц доминировать в общественной жизни, особенно в системе образования, способствовали повышению интереса исследователей к религиозной тематике. Поэтому изучение состояния религиозной сферы, религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения являются актуальными, ибо от положения в данной сфере зависит стабильность общества. Эмпирические данные свидетельствуют, что массовому сознанию городского населения Дагестана характерно обозначение ключевой роли исламского фактора в обществе. В установках опрошенных горожан доминирует позиция, обозначающая ассоциацию опрошенных с исламом, при этом можно наблюдать, что подгруппы самоидентифицирующиеся как «убежденно неверующие» и «неверующие» подчеркивают свою принадлежность мусульманскому вероучению, что является подтверждением существования культурной или формальной религиозности. Кроме того, обозначение опрошенными веры в мистические силы является одним из показателей деформации их религиозной самоидентификации, что может выразиться в деструктивных процессах в религиозной сфере. Эмпирические данные показывают, что доля «чистых» религиозных типов среди опрошенных по всему массиву небольшая, но по подгруппам процентные показатели отражают их тип религиозности, при этом религиозное поведение по интенсивности не соответствует конкретно взятому типу религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, типы религиозности, городское население, городское пространство, ислам, культовое поведение, верующий, неверующий, атеист, религиозные правила.

Введение

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности заметно актуализировались в постсоветский период. Массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом пристального интереса религиоведов, причем для этого имелись веские основания.

В статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен 2020 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 563.

Обсуждение

Среди российских исследователей существует критическое отношение к индикаторам измерения религиозности, поэтому, например, Е.А. Кублицкая против включения в систему показателей уровня религиозности конфессиональной самоидентификации, т.е. отнесение себя

к последователям определенной религиозной общности с мотивацией того, что «ученые, которые считают этот показатель необходимым, не учитывают устойчивость ориентации на отождествление конфессиональной и национальной принадлежности» [2, с. 98]. Автор не разделяет данный тезис, ибо исходит из того, что человек независимо от отношения к религии (верующий/неверующий) в определенных социальных сферах (похоронных, при заключении брака и т.д.) соблюдает предписания вероисповедания, которому он принадлежит, поэтому только обозначение своего отношения к религии (верю – не верю) не должно быть основанием для игнорирования данного параметра при исследовании религиозности населения. Если обратиться к исламу, то даже глубоко верующего человека из мусульманского вероисповедания может вывести определенные действия, поступки, даже произношение определенных слов.

В рамках исследования религиозности городского населения важным является установление для опрошенных значимости принадлежности к определенной религии, которое демонстрирует существующие в массовом сознании разных по типу религиозности групп идентификации с конкретно взятым вероучением или мировоззрением, т.е. проявляется «культурная религиозность», суть которой заключается в ассоциации человека, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), с определенным вероучением.

Эмпирические данные на вопрос «**К какой религии Вы себя относите?**» показывают превалирование доли респондентов, обозначающих свою принадлежность мусульманству (80,6 %), причем здесь можно отметить позицию одной пятой части неверующих и каждого шестого опрошенного из подгруппы убежденно неверующих. Далее, (46,5 %) в подмассиве колеблющихся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию», впрочем, как и утверждение неверующих (26,3 %) и одной девятой части убежденно неверующих.

Дальнейший анализ показывает, что больше половины опрошенных в подгруппе убежденно неверующих и одна треть неверующих обозначает реально соответствующее их самоидентификации суждение «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист». Анализ по возрастному признаку показывает, что больше половины опрошенных во всех подгруппах относят себя к исламу. Размытое отношение к религии – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» демонстрирует одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» и каждый восьмой опрошенный в когорте «от 40 до 50 лет». По сравнению с другими подгруппами, в подмассиве «от 50 до 60 лет» больше самоидентифицирующихся как атеисты (6,0 %). Анализ по образовательному признаку показывает, что уровень образования респондентов практически не отражается на обозначении ими своего отношения к вероучению: свою принадлежность исламу демонстрируют 69,4 % опрошенных с базовым средним, 80,3 % средним, 84,0 % средним специальным и 80,8 % высшим образованием. При этом доля придерживающихся атеистических установок в подмассиве с высшим образованием статистически незначима (4,1 %). Таким образом, полученные на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» результаты показывают, что опрошенное городское население Дагестана независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса самоидентифицируется как «мусульмане», кроме того, доля обозначающих приверженность атеистическому мировоззрению среди них статистически небольшая, исключение закономерно составляют подгруппы, относящиеся по типу религиозности к убежденно неверующим и неверующим.

В рамках данного исследования представляется необходимым показать результаты исследования по годам: если доля обозначающих свое отношение к определенному вероучению (76,5 % в 2014 г. и 80,6 % в 2020 г.) и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист» не сильно изменилось, то можно наблюдать, что в разы увеличилось количество придерживающихся позиций «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (0,9 % в 2014 г и 8,6 % в 2020 г.), что свидетельствует об определенных трансформациях в массовом сознании респондентов. Правда, необходимо оговорить, что вышеприведенные суждения отмечены небольшой долей респондентов, хотя следует иметь в виду, что даже когорта, обозначающая свою религиозную принадлежность и отношение к религии, при этом не отличается интенсивностью культового поведения.

Таким образом, эмпирические данные ярко продемонстрировали, что больше половины убежденно неверующих, одна треть неверующих не считает себя последователями какого-либо вероучения, хотя среди них есть часть, которая отмечает свою принадлежность исламу. А это может являться подтверждением характерной данным подгруппам культурной или формальной религиозности – когда не верят в существование Всевышнего, но обозначают себя

последователем, например, мусульманства, а также в определенных ситуациях следуют религиозным нормам, например, в семейно-брачной, похоронно-обрядовой и т.д. В этой связи вполне справедливо звучит утверждение М.М. Мчедловой, что «одним из важнейших контекстов современной религиозной ситуации... является причисление себя к той или иной конфессии» [3, с. 165].

Несмотря на то, что отношение к вере является личным, закрытым пространством человека, но имеет большое значение установление характерных горожанам мировоззренческих убеждений, поэтому с целью глубокого изучения религиозных установок городского населения Дагестана, респондентам был задан «контрольный вопрос» **«Вы верите в Аллаха?»**. Данные на этот вопрос показывают, что в массовом сознании городского населения с большим перевесом доминирует позиция «верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им» (84,4 %), но при этом можно констатировать наличие определенной непоследовательности в их установках. Так, одна пятая часть в подгруппе неверующих и каждый шестой опрошенный в подмассиве убежденно неверующих обозначает свою веру в Бога, что противоречит изначально демонстрируемой ими неверию в сверхъестественные силы. Более того, подгруппа убежденно неверующих при декларировании неверия в Аллаха, одновременно верит в существование сверхъестественных и мистических сил (22,2 %). Существование такой позиции в массовом сознании горожан свидетельствует о наличии нетрадиционной религиозности, ключевым признаком которой является рост компенсаторной функции религии (Е.А. Кублицкая).

Таковую же картину можно наблюдать при анализе по возрастному признаку: так в вопросе «К какой религии Вы себя относите?» когорты «от 40 до 50 лет» выбрала суждение «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (12,0 %), однако в этой подгруппе, по сравнению с другими, больше придерживающихся позиции «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им» (90,4 %), что ставит под сомнение их реальное отношение к вероучению. Далее с повышением уровня образования опрошенных растет доля, обозначающих свое отношение к вере, хотя исследователи придерживаются позиции, что чем выше образовательный статус респондента, тем должен быть ниже уровень его религиозности, которая данными авторского опроса не подтверждается. Более того, можно увидеть, что в подмассиве с базовым средним образованием, по сравнению с другими подгруппами, больше доля отметивших вариант ответа «я не верю в Аллаха, я атеист» (5,6 %), впрочем, как и в возрастной категории «от 60 лет и старше» (6,7 %). Сравнение эмпирического материала по годам (2014 и 2020 гг.) показывает увеличение доли обозначающих свое отношение к вероучению, при снижении количества атеистов и верующих в мистические силы (с 84,4 % в 2014 до 90,1 % 2020 г.). Видимо, можно согласиться с позицией, что «неверие... объясняет отсутствием религиозного воспитания и религиозных семейных традиций» [4, с. 105].

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить когорты нерелигиозных респондентов, которые 1) не самоидентифицируются с конкретным вероисповеданием, соответственно, не демонстрируют какое-либо культовое поведение; 2) одновременно обозначают свою принадлежность исламу, что было выявлено эмпирическими данными на вопрос «К какой религии Вы себя относите?». Кроме того, выбор респондентами позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом» является свидетельством проявления деформированной религиозной идентичности, которая может стать основой возникновения радикальных и экстремистских настроений в массовом сознании, особенно подрастающего поколения.

В рамках исследования соответствия типа религиозности, обозначения своего отношения к вере, важным является анализ культового поведения, ибо очень часто встречается несогласованность между самоидентификацией человека с конкретным вероисповеданием и его реальным поведением. Изучая религиозное возрождение, типы религиозности, особенности религиозного поведения исследователями, к сожалению, не были подробно рассмотрены многие аспекты религиозной сферы, среди которых ключевыми, по мнению автора, являются «вхождение человека в религию», отношение к вероучению (кто стал верующим и почему?), интенсивность соблюдения религиозных норм, причины обращения к Аллаху, социально-демографические параметры верующих, причем важным является социальный портрет верующего. Разумеется, отечественные исследователи рассматривали данные вопросы, но при этом отсутствовала глубина изучения мотивации обращенности вчерашнего атеиста в религию.

Частичный ответ на данный вопрос можно найти в исследовании И.А. Юрасова и О.А. Павловой [5, с. 27]. Можно утверждать, что в постсоветский период в массовом сознании населения произошел слом прежней идеологии, причем кардинально, и данный процесс протекал очень болезненно, способствуя появлению сложных, противоречивых тенденций в общественной жизни и сознании. Автор согласен с мнением, что на фоне религиозного возрождения наблюдается, наряду с ростом религиозности, важности соблюдения конфессиональных постулатов и норм, если можно так выразиться, «окрашивание» вчерашних атеистов в глубоко верующую когорту населения. Несомненно, здесь имеются и свои сложности, обусловленные прежней идеологической системой, которая не позволяла верующим людям открыто проявлять свои религиозные чувства и вести активное культовое поведение. Появление слоя людей, демонстративно участвующих в публичных религиозных праздниках, но при этом не соблюдающих базовые положения своего вероисповедания, вызывает множество вопросов: «К какому типу религиозности их относить?». О возросшей роли религиозного компонента в жизни человека свидетельствует возросший интерес к религиозным знаниям, стремление обучаться в исламских учебных заведениях [см. 6–7].

Анализ религиозной активности/пассивности городского населения актуализирует вопрос установления степени их религиозности (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»
(%, вторая цифра – опрос 2014 г.)**

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	60,0	24,7	7,0	0	0	34,7/26,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	36,1	61,3	20,9	10,5	27,8	46,0/53,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	2,4	10,0	32,6	5,3	1,1	8,8/10,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	1,0	1,1	25,6	42,1	0	4,3/3,4
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	0	0,4	7,0	21,1	5,6	1,6/1,5
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха	0	0,7	0	15,8	55,6	2,7/1,6

Результаты исследования констатируют доминирование в массовом сознании одной второй части респондентов суждения «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», при этом только одна треть опрошенных ассоциирует себя по мировоззренческим установкам с категорией убежденно верующих, ибо всегда соблюдает религиозные предписания и обряды. Можно наблюдать существование почти 3-кратной разницы между когортой «убежденно верующих» и «верующих», всегда соблюдающих религиозные предписания. Подгруппе «верующих» ближе позиция «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», которую разделяет каждый третий опрошенный в подмассиве «убежденно верующих» и одна четвертая часть из подгруппы «убежденно неверующих».

Определенную сложность представляет выявление критерия отнесения к категории реально верующих, и, видимо, здесь нужно опираться не только на самоидентификацию

опрошенных, но и следует более пристальное внимание уделить религиозному поведению респондентов – периодичности соблюдения ими религиозных постулатов. Также обращают на себя внимание установки колеблющихся, которые самоидентифицируются с противоположных позиций: с одной стороны, считают себя «убежденно верующими», но при этом «вообще не соблюдают религиозные предписания и обряды» (одна треть), с другой, каждый четвертый опрошенный отметил вариант ответа «скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды». Такая же непоследовательность в мировоззренческих установках характерна и подгруппе убежденно неверующих, которая отметила совершенно противоречащие друг другу суждения: «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды» и «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха».

По мнению автора, можно констатировать характерную городскому населению формальную религиозность: с одной стороны, демонстративное равнодушие религиозному учению, с другой, подчеркнутое следование религиозно-обрядовой его части. Кроме того, такая позиция в массовом сознании может быть обусловлена еще и тем, что необходима основа воспитания, прививания подрастающему поколению нравственных установок, а это, по мнению людей, возможно через обращение к этической базе вероисповедания. Таким образом, можно утверждать, что рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д.

Заключение

Анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что подавляющая часть респондентов независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса ассоциирует себя с исламом, причем обращает на себя внимание осознание себя мусульманином подгруппами причисляющих себя к неверующим и убежденно неверующим. При этом одна вторая часть самоидентифицирующихся как колеблющиеся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию»; доля обозначающих свое атеистическое мировоззрение небольшая. Кроме того, исследование выявило существование когорты, придерживающейся позиций – «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом», что является основанием для утверждения о существовании у респондентов деформированной религиозной самоидентификации. Кроме того, данная категория может быть причислена к нетрадиционным верующим, которым характерно интенсивное проявление нетрадиционной религиозности, то есть признание существования сверхъестественной или мистической силы. Сравнение результатов исследования по годам показывает изменение в установках городского населения: если доля обозначающих осознание своей принадлежности к конкретной религии осталась почти на прежнем уровне, то по некоторым позициям наблюдается их трансформация – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист».

Рассмотрение религиозности в рамках, предложенного П. Хиллом 2-х уровневое измерения религиозности показывает, что опрошенным характерно проявление как диспозиционной религиозности, которая выражается через суждение «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», причем его разделяют респонденты самоидентифицирующиеся как неверующие и убежденно неверующие. Функциональная религиозность городского населения проявляется через, во-первых, самоидентификацию с определенным вероисповеданием, в данном случае с исламом, во-вторых, интенсивность религиозной практики (частота посещения религиозных служб, молитвы, пост и т.д.). Результаты исследования показывают большой разрыв между тем, что должен делать верующий человек (совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать религиозный налог, совершить паломничество и регулярно посещать мечеть, праздновать религиозные праздники, читать религиозные тексты, посещать религиозные службы) и реальным его культовым поведением. Более того, одна восьмая часть опрошенных не соблюдают ни одно из предписаний культового поведения ислама при одновременной самоидентификации себя как «убежденно верующий».

Литература

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
3. Мchedlova М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 146–178.
4. Баранников В.П., Матроница Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 102–107.
5. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 24–29. DOI: 10.24158/tpor.2018.7.3.
6. Рамазанов Р.О. Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности // Диалог культур в глобализирующемся мире. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала, 2020. С. 53–56.
7. Рамазанов Р.О. Вопросы мусульманского образования в современном российском обществе: состояние и тенденции // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей. XVI Агаевские чтения. Махачкала, 2020. С. 178–188.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragskogo St., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

RELIGIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN (ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Abstract

The religious revival has more strongly affected the canonical territories of the spread of the Islamic faith, and for this there were objective factors. The growing importance of the religious factor, in this context, the Islamic one in the social life of society, the desire of clergy to dominate public life, especially in the education system, contributed to the increased interest of researchers in religious topics. Therefore, the study of the state of the religious sphere, religiosity, its types, the specifics of the cult behavior of the population are relevant, because the stability of society depends on the situation in this area. Empirical data indicate that the mass consciousness of the urban population of Dagestan is characterized by the designation of the key role of the Islamic factor in society. The attitudes of the interviewed townspeople are dominated by the position indicating the association of the respondents with Islam, while it can be observed that subgroups self-identifying as "convinced non-believers" and "non-believers" emphasize their belonging to the Muslim faith, which is a confirmation of the existence of cultural or formal religiosity. In addition, the designation by the respondents of belief in mystical forces is one of the indicators of the deformation of their religious self-identification, which can be expressed in destructive processes in the religious sphere. Empirical data show that the share of "pure" religious types among the respondents throughout the entire sample is small, but for subgroups the percentage indicators reflect their type of religiosity, while religious behavior in intensity does not correspond to a specific type of religiosity.

Keywords: religion, religiosity, types of religiosity, urban population, urban space, Islam, cult behavior, believer, non-believer, atheist, religious rules.

References

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya // Sociologicheskij zhurnal. 2017. T. 23. № 3. P. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya // Sociologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95–103.
3. Mchedlova M.M. Religioznaya situaciya v Rossii i ee regionah // Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. P. 146–178.
4. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve // So-ciologicalicheskie issledovaniya. 2004. № 9. P. 102–107.
5. YUrasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2018. № 7 (125). P. 24–29. DOI: 10.24158/tpor.2018.7.3.
6. Ramazanov R.O. Musul'manskoe obrazovanie i ego rol' v formirovanii religioznoj identichnosti // Dialog kul'tur v globaliziruyushchemsya mire. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem). Mahachkala, 2020. P. 53–56.
7. Ramazanov R.O. Voprosy musul'manskogo obrazovaniya v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i tendencii // Duhovno-nravstvennye i ideologicheskie problemy v sovremennom obshchestve. Sbornik statej. XVI Agaevskie chteniya. Mahachkala, 2020. P. 178–188.